

Д. Н. Ерёмин

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ В РОССИИ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ (на примере Северо-Кавказского региона)

Исследуется политический экстремизм как социально-политическое явление; анализируются его составляющие как самого массового в современной России. Рассматривается криминалистическая характеристика политического экстремизма.

This article deals with political extremism as a sociopolitical phenomenon and analyses the components of this wide-spread phenomenon in modern Russia. The author examines the criminalistic description of political extremism.

Ключевые слова: политический экстремизм, криминалистическая характеристика.

Key words: political extremism, criminalistic description.

Сегодняшний интерес к экстремизму как социальному явлению обусловлен его значительной опасностью. Экстремизм — одно из самых негативных явлений современной жизни, не признающее границ, угрожающее международному миру и безопасности, ставящее под угрозу дружественные отношения между государствами и международное сотрудничество. Сегодня он стал реальной угрозой государственной и национальной безопасности России.

Обратимся к этимологии слова «экстремизм». В современные романо-германские языки (а затем и в русский) слово вошло из латинского языка в XVII в. [1]. Итак, экстремизм (от лат. *extremus* — крайний, фр. *extremisme*) — приверженность к крайним взглядам и мерам (обычно в политике) [2, с. 52].

После окончания Гражданской войны и вплоть до 1980—1990 гг. проблема экстремизма в СССР не возникала. После распада Советского Союза на постсоветском пространстве начала складываться новая политическая парадигма, сопровождающаяся кризисом во всех общественных сферах, что, в свою очередь, вызвало рост распространенности националистических и сепаратистских настроений в Российской Федерации. Нам представляется, что наиболее важную роль в активизации экстремизма в России сыграли политические детерминанты, обусловленные национально-государственным (политическим) кризисом и утратой общенациональных государствообразующих ценностей, проблемой либерализации массового сознания. Поэтому об экстремизме в России следует говорить не просто как о социальном явлении, а как о социально-политическом явлении.

Политический экстремизм, несомненно, является самым массовым в современной России и подразумевает под собой насильственные действия, направленные на изменение политического строя или политики, проводимой правительством. Обосновывается политический экстремизм обычно разнообразными утопическими социальными теориями: от псевдореволюционных до фашистских. В большинстве случаев он сопровождается проведением различных террористических актов, убийствами политических противников, попытками дестабилизации ситуации в стране и т. п.

В поддержку данного утверждения приведем мнение экспертов Российской академии наук (РАН), согласно которому отличительными чертами политического экстремизма выступают «пропаганда и использование насилия и других крайних средств для достижения любых политических целей» [3]. Наиболее опасными формами политического экстремизма эксперты РАН считают посягательство на основы конституционного строя и терроризм.

Повышенная опасность преступлений экстремистской направленности обуславливает необходимость пристального изучения криминалистической характеристики политического экстремизма в России, представляющей собой результат научного анализа данного вида преступной деятельности, обобщения его типичных признаков и особенностей.

В этой связи, прежде всего, необходимо обратить внимание на личность экстремиста, которую, по нашему мнению, необходимо изучать в ракурсе рассмотрения социально-демографических свойств личности. «Социально-демографические свойства личности преступника сами по себе не криминогенны. Но они связаны с условиями формирования личности и ее жизнедеятельности, взаимодействуют с ними потребностями, мотивацией, социальными ролями личности. Поэтому социально-демографические свойства являются существенным компонентом обобщенного

представления о личности преступника и имеют важное значение для разработки и осуществления мер профилактики преступного поведения» [4, с. 125].

Обобщив данные ряда уголовных дел¹, мы приходим к выводу, что портрет типичного экстремиста (на примере Северо-Кавказского региона) выглядит следующим образом: мужчина в возрасте 26 лет; имеет крепкую семью; относительно невысокий образовательный уровень; безработный; исповедует ислам; судим впервые; при совершении преступления в соучастии главным образом выполнял роль исполнителя; совершил преступление, руководствуясь своими религиозно-политическими убеждениями; не признает себя виновным.

Наиболее интересными составляющими, по нашему мнению, в вышеуказанном портрете экстремиста являются: пол; совершение преступления в соучастии и отношение к религии.

Так, женщины, в отличие от мужчин, не стремятся в результате террористической деятельности обогатиться, повысить свой авторитет. Опрос, проведенный Д. З. Зиядовым и С. А. Абасовой в женских исправительных колониях, показал, что основным мотивом совершения преступлений у женщин-экстремисток является «месть за свою землю, за убитых родственников» [5, с. 84]. В основе преступного поведения таких женщин чаще всего (наряду с побудительными мотивами) заложен мотив, оправдывающий их действия. Критическая оценка поведения у большинства преступниц выражена очень слабо. Женщины часто не задумываются над тем, что могут погибнуть или их быстро установят и изобличат. Умысел на совершение террористического акта у женщин нередко возникает внезапно.

В результате проведенного исследования мы сделали вывод о том, что экстремизм как вид преступной деятельности предполагает соучастие. Политический экстремизм вообще невозможен без него. Всегда есть призывающие к экстремистской деятельности, организаторы экстремистских формирований и рядовые экстремисты. Несмотря на то что в отдельных составах не предусмотрен аспект соучастия, экстремизм как социальное явление предполагает те или иные его формы.

Особое место в ряду элементов, формирующих портрет экстремиста, занимает отношение преступника к религии, которое в основном определяет его мировоззрение, ценностные ориентации и убеждения.

Мусульманские экстремистские движения особенно развились в последние три десятилетия — как следствие распространения мнения о глобальной цивилизационной войне против арабского и мусульманского мира, против их религии, культуры и образа жизни. Концепции, которые питают такие настроения, воспринимаются на Западе как терроризм и политическое насилие. В исламском же мире они расцениваются как исламский религиозный долг. Такие концепции включают «джихад» («священную войну»), «такфир» (опровержение), «истишхад» (мученичество, включая суицид) и «шахид» (страдание). Центральное понятие, общее для большинства исламистских движений и групп, проповедующих терроризм и политическое насилие, оправдывающее их и создающее благоприятную для них атмосферу, — это так называемое «нахождение в осаде», которое призывает к самозащите. Для последователей этой концепции конфронтация оправдывает использование любых средств. Особенно если эти средства обладают религиозной легитимностью. Так, террористы на одном из своих сайтов в Интернете заявляли: «Во время войны в Чечне мы обменяли головы 14 российских солдат на тела 3 наших братьев. Мы не видим в этом ничего неправильного. Ничего такого, что могло бы согласно Корану быть незаконным» [6, с. 152].

Многие исламистские движения и группы преуспели в убеждении мусульман, что именно представители этих движений и групп передают подлинную интерпретацию ислама². Кроме того, большинство из них развивали мысль о необходимости возвращения к фундаментальным истокам ислама, ортодоксальному исламу.

Россия раньше других на собственном опыте осознала, что серьезная угроза национальной безопасности и территориальной целостности исходит от международных радикальных исламистских и националистических террористических группировок, пытающихся укрепить свои позиции в регионах компактного проживания мусульман.

Одна из отличительных особенностей политического экстремизма на Северном Кавказе — присутствие в нем идеологии и практики исламского «зеленого интернационализма», сделавшего

¹ Было изучено 36 уголовных дел, связанных с экстремизмом и расследовавшихся в Северо-Кавказском регионе.

² Термин «исламист» часто используется исламскими радикальными группами и исследователями исламского возрождения для того, чтобы подчеркнуть различия между ортодоксальными исламскими группами и движениями, исповедующими традиционный ислам, и радикальными, или фундаменталистскими, группами. Употребление этого термина объясняется и заявлениями многих мусульман и мусульманских организаций о том, что феномен подобных групп радикалов и экстремистов не представляет истинного ислама, а является следствием ложной интерпретации религии, ересью, поскольку сам ислам не может использоваться для террористической деятельности в силу его миролюбивых основ.

ставку на террор и насилие. Так, радикальные исламисты с помощью ссылок на религиозные источники обосновывали правомерность казни военнопленных, обмена их на мусульман, включая осужденных, а также расчленения тел солдат — для устрашения, терроризирования всего населения России [6, с. 149].

Наряду с личностью экстремиста определенный интерес в свете рассмотрения криминалистической характеристики политического экстремизма представляют виды экстремистских формирований. Все экстремистские формирования, в том числе политические, могут выступать в виде: простой преступной группы, члены которой совершают акты насилия только на основе соучастия; организованной экстремистской группы; преступной организации; международного преступного объединения [7].

Простая преступная группа, как правило, состоит из нескольких (от 3 до 10) членов, имеющих преступный или иной специальный опыт, а также являющихся специалистами в специфических областях знаний (оружейники, взрывники, взломщики и т. д.). Такие группы самостоятельно долго не существуют и зачастую распадаются после совершения террористического акта или иного акта экстремизма.

Экстремистская преступная организация (преступное сообщество), как правило, образуется в результате разрастания организованной преступной группы. Создавая свою финансовую автономность, преступная организация начинает заниматься незаконным бизнесом в региональных или глобальных масштабах. На этом этапе может происходить сращивание преступной организации с правительствами за пределами страны. Это присуще организованной преступности, поддерживающей (финансами, оружием) национальный, религиозный и политический экстремизм, в котором заинтересованы правительства зарубежных стран. У подобных организаций имеются достаточные возможности для того, чтобы коррумпировать правительства и проникать в коммерческие структуры.

В настоящее время экстремизм становится своего рода индустрией, работающей на экспорт. Речь идет не об отдельной группе или организации (поддерживаемой и привлеченной к сотрудничеству, «коллегами» из-за рубежа), перенимающей иностранный опыт, а о международных экстремистских объединениях. Данные организации, объединения формируют политическое направление своей преступной деятельности, уточняют стратегические цели и новые задачи. Преступные сообщества к этому этапу имеют высокую организованность, иерархическую структуру с руководящим звеном и специальной системой обеспечения безопасности и конспирации. Внутри террористической организации практически все взаимоотношения урегулированы соответствующими нормами поведения.

Иные составляющие криминалистической характеристики экстремистской деятельности преступных групп и организаций, в том числе политической направленности, не специфичны. К ним можно отнести: предмет преступного посягательства, жертву преступлений и средства подготовки и совершения преступлений экстремистской направленности.

В частности, предметом преступного посягательства экстремистов выступают общественная безопасность и нормальное функционирование органов власти. Типичная жертва политического экстремизма представляет собой более или менее крупную и известную политическую, государственную, религиозную или общественную фигуру. Кроме того, жертвами преступлений экстремистского характера, а также международного и национального терроризма нередко становятся свидетели, судьи, работники правоохранительной системы и простые граждане.

В заключение хочется отметить, что борьба с политическим экстремизмом предполагает негативную позицию государства к определенному роду идеям, а не только к отдельным их проявлениям. Если эти идеи основаны на страхе, ненависти, насилии, если они проявляются в разжигании межнациональных войн, — они не имеют права на существование.

Список литературы

1. *Etymologisches Wörterbuch des Deutschen*. Berlin, 1989.
2. *Советский энциклопедический словарь*. М., 1981.
3. Беликов С. Политический экстремизм в молодежной среде // Материалы «круглого стола» «Молодежь и политика» в МГУ им. М. В. Ломоносова, апрель 1999. М., 1999. С. 34–41.
4. *Криминология: учебник*. Изд. 2-е, перераб. и доп. / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, В. В. Лунова. М., 2004.
5. Зиядов Д. З., Абасова С. А. Участие женщин в террористической деятельности // *Терроризм в России и проблемы системного реагирования* / под ред. А. И. Долговой. М., 2004.
6. Устинов В. В. Обвиняется терроризм. М., 2002.

7. *Методика* предупреждения, предотвращения, раскрытия и расследования преступлений террористического характера / под общ. ред. А. М. Кустова. М., 2001.

Об авторе

Д. Н. Ерёмин – асп., РГУ им. И. Канга; e-mail: www.dneremin@mail.ru

Author

D. N. Yeryomin, PhD student, IKSUR, e-mail: www.dneremin@mail.ru